

Ещё немного помучившись, Сяо Лу во главе большой армии выступил в поход. Спустя семь дней после начала похода наступило двадцать третье число двенадцатой луны — как раз Малый год.

Несмотря на плохой урожай в этом году, жители Чанъаня всё же тщательно к нему подготовились.

По всему городу зажглись мерцающие огоньки.

В резиденции Сюй две пожилые служанки лепили пельмени вместе с тремя девушками, управляющий Лю разжигал огонь и кипятил воду, а Ли Куайцзы, чьи раны ещё не зажили, отдыхал в сторонке. Одной из служанок была его мать: вздыхая, она толкала Ли Куайцзы к остальным, чтобы он помогал им лепить пельмени.

Снаружи несколько слуг наводили порядок, дочиста выметая снег во дворе резиденции Сюй.

В кабинете Сюй Инбай с бамбуковой плёткой в руке одновременно просматривал присланную с Севера сводку с фронта и следил за Се Цзинвэем и Вэй Хэном. Се Цзинвэй то раскачивался из стороны в сторону, то отвлекался, и тут же схлопотал от Сюй Инбая удар плёткой. На его белой тыльной стороне ладони проступил едва заметный красный след.

На самом деле Сюй Инбай не прикладывал особо силы, и Се Цзинвэю на руку пришлось совсем не больно. Однако Се Цзинвэй обиженно надулся, изо всех сил заставил глаза покраснеть и уронил две круглые слезинки.

Сюй Инбай просто не мог на это смотреть, вздохнул и произнёс:

— Ступай в угол, встань на колени и пожги благовония.

Се Цзинвэй что-то невнятно буркнул, собираясь возразить, но, стоило ему взглянуть на лицо Сюй Инбая, как его охватили угрызения совести и страх, что Сюй Инбай, чья болезнь ещё до конца не прошла, всерьёз разозлится и ещё больше навредит своему здоровью. В конце концов он послушно взял палочку благовоний и отправился коленопреклоненным в угол кабинета.

Вэй Хэн держался куда сдержаннее Се Цзинвэя и усердно выполнял заданные уроки.

Раньше в даосском монастыре Сюаньмяо у Сюй Инбая не было никаких приличных игрушек. К тому же из-за тяжелой болезни, которая доставляла ему невыносимые страдания, он то и дело плакал, и тогда красавица-матушка Сюань и Сюань Цинцзы рвали траву возле монастыря Сюаньмяо и плели для него бабочек, кузнечиков и самых разных маленьких зверушек, чтобы развеселить его.

Одно время эти фигурки животных заполняли весь стол Сюй Инбая — ему было жалко их выбрасывать.

Когда наступил вечер, в резиденции Сюй стало шумно. Се Цзинвэй наперегонки уплетал пельмени, даже не боясь подавиться, а остальные девушки и парни смеялись над ним, призывая есть медленнее. Из-за того, что сидевший рядом Се Цзинвэй хватал слишком быстро, Вэй Хэну не досталось ни единого пельмешка из первой поданной порции. Сюй Инбай с лёгкой улыбкой покачал головой и подвинул Вэй Хэну свою тарелку с нетронутыми палочками пельменями.

— Всё подготовили? — тихо спросил Сюй Инбай, не поворачивая головы.

Снаружи дул ветер. Сюй Инбай поднял взгляд, и кто-то, пролетев сквозь ветер и снег, опустился рядом с ним.

— Сегодня Малый год, — подумав об этом, мягко сказал Сюй Инбай. — Ваше Высочество, поешьте пельменей у вашего слуги, а потом возвращайтесь.

— Хорошо! — услышав это, Вэй Хэн резко поднял глаза, и они ярко засияли. Сказав это, он вдруг сообразил, что выказал слишком сильное нетерпение, и робко добавил: — Я... я слушаю учителя.

Сюй Инбай озарил его мягкой улыбкой, поднялся на ноги, легко похлопал Вэй Хэна по плечу, а затем распахнул дверь и вышел.

Сюй Инбай уже всё проверил, написано было отлично. Он поднял руку, намереваясь взъерошить волосы Вэй Хэна точно так же, как делал это с Се Цзинвэем, но в последний момент счёл это неуместным и опустил руку.

Заметив разочарованный вид Вэй Хэна, Сюй Инбай мысленно вздохнул: ведь кормилица Вэй Хэна уже умерла, и, вернувшись сейчас во дворец, он застанет лишь одиночество в пустых и холодных покоях.

Вэй Хэн с трепетом принял подарок, но тут столкнулся с пронзительным взглядом Фу Линъи, сидевшего напротив, и от неожиданности так дрогнул рукой, что едва не уронил пиалу.

— Тогда учитель... — Вэй Хэн бросил взгляд на потемневшее за окном небо. — Я возвращаюсь.

Фу Линъи отозвался коротким согласием.

— Вчера люди из Теневого Отдела тоже отправились в путь, чтобы донести весть о намерении императора переправиться на юг и распространить слухи среди князей Ци и Нин.

Затаенное дыхание Вэй Хэна вырвалось наружу от движения Сюй Инбая, и на душе у него стало немного грустно.

— Безупречно.

Он понимал, что Сюй Инбай, в конце концов отдернув руку, всё же побоялся его статуса императорского принца.

Сюй Инбай услышал донесшийся из-за спины хриплый голос Фу Линъи.

Закутанный в лисью шубу Сюй Инбай восседал на главном месте, а матушка Ли снова наложила ему полную пиалу свежих пельменей. Наевшись пельменей, Се Цзинвэй притопнул короткими ножками и подбежал к Сюй Инбаю, принявшись ластиться и выпрашивать, чтобы наставник сплёл ему бабочку.

— Отличная работа, — произнес Сюй Инбай. — Сегодня вечером попросите матушку Ли слепить побольше пельменей и раздать их людям из Теневого Отдела.

Не имея возможности избавиться от докучливого мальчика, Сюй Инбай взял из рук Се Цзинвэя травинки, неизвестно где им добытые, и принялся плести для него бабочку.

Позднее Сюй Инбай и сам научился плести такие игрушки, и когда в даосский монастырь приходили послушники младше его самого, он точно так же мастерил для них фигурки животных, чтобы развлечь детей.

У Се Цзинвэя в даосском монастыре тоже стоял целый стол, заставленный плетёнными Сюй Инбаем из травы зверушками.

Сюй Инбай был сосредоточен и серьезен; его точеные пальцы порхали вверх и вниз, и вскоре он смастерил бабочку, а затем принялся плести для Се Цзинвэя стрекозу.

Взгляд Фу Линъи упал на кончики пальцев Сюй Инбая. Оживленный гомон вокруг в один миг отдалился. Фу Линъи в оцепенении вспомнил о событиях прошлой жизни: тогда они уже переправились на юг, и рядом с Сюй Инбаем, кроме него самого, почти никого не осталось — перед переправой на юг Сюй Инбай распустил всех своих слуг и отправил прочь Се Цзинвэя.

С сегодняшним днем это шло в такое сравнение, что казалось пропастью между небом и землей.

Фу Линъи никогда прежде не видел такого Сюй Инбая — окруженного со всех сторон людьми, с мягким выражением лица, излучающего простое человеческое тепло.

Спустя месяц после переправы на юг уже наступила весна, зеленела трава, пели иволги, и всё в мире пробуждалось к жизни. Они двигались на юг по большой дороге, и Фу Линъи помнил, как во время привала и обустройства лагеря он сидел на пускающей побеги ветке, играя на свирели из свежего листка и молча глядя на Сюй Инбая неподалеку.

Сюй Инбай, бледный, в тонких одеждах, стоял посреди прохладного весеннего ветра. Он холодным взглядом смотрел вперед, как вдруг сорвал две длинные травинки и сплел из них двух бабочек.

Одну из них он положил на обочину дороги, поросшей молодой зеленью, а со второй стал играть в руках. Фу Линъи заметил, что под аккуратно уложенной зеленой бабочкой скрывались побелевшие кости, присыпанные свежей нежной травой.

Это были останки ребенка, у которого даже половина тела еще не до конца истлела.

Позже ту вторую зеленую бабочку прижали к груди Фу Линъи. Он помнил, что поначалу хотел просто выбросить её куда попало, но в конце концов всё же спрятал бабочку на ладони.

А еще позже Сюй Инбай погиб. Три года скитаний и лишений стерли из памяти ту зеленую бабочку — неизвестно, в какой момент она исчезла.

Связанная из травы бабочка мелькнула перед глазами, и Фу Инли резким усилием вернулся к реальности, заметив, как Се Цзинвэй с сияющим видом уносит к своему месту горсть бабочек, стрекоз и кузнечиков.

Две из них он отдал Вэй Хэну, а остальные разложил у края стола.

Фу Линъи неотрывно смотрел на эту горстку плетеных из травы вещиц, и рука, сжимавшая палочки для еды, постепенно сжалась так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Этого уже никто не помнил. Кроме него самого — одинокого блуждающего призрака, выплывшего из пучины страданий прошлой жизни, — больше никто не помнил об этих событиях.

Сюй Инбай съел несколько пельменей и насытился, после чего принялся молча слушать беседу управляющего Лю и остальных.

Оставшуюся половину большой бадьи с пельменями отправили людям из Теневого Отдела, а матушка Ли велела подать сладости. Се Цзинвэй уплетал их за обе щеки, отправляя в рот по штуке за раз, и был невероятно доволен.

Взгляд Сюй Инбая обвел комнату кругом и остановился на сидевшем в углу Фу Линъи.

Фу Линъи с мрачным выражением лица сидел неподвижно, устремив взгляд в одну точку и раздумывая о чем-то своем. Сюй Инбай с некоторым любопытством проследил за его взглядом и в результате уперся глазами в перемазанного крошками от сладостей Се Цзинвэя и лежащих на столе плетеных зверушек.

Сюй Инбай совершенно не понимал, что в этом могло показаться Фу Линъи столь примечательным. Спустя мгновение Сюй Инбай снова перевел взгляд на Фу Линъи, а тот уже вовсю уплетал за обе щеки пельмени, уткнувшись носом в тарелку.

Наверное, мне показалось, — подумал Сюй Инбай.

Пожинав и вдоволь наговорившись, все разошлись. Сюй Инбай отправил Се Цзинвэя обратно в кабинет продолжать занятия, а телохранителям приказал проводить Вэй Хэна домой.

За галереей снова начал падать мелкий снег. Закутавшись в лисью шубу, Сюй Инбай направлялся к кабинету, как вдруг на повороте услышал шаги за своей спиной.

— Кто там? — Сюй Инбай растирал замерзшие докрасна пальцы и спросил, даже не оборачиваясь.

Кроме Фу Линъи, никто не умел появляться у него за спиной с такой призрачной легкостью.

И действительно, сзади посреди тишины раздался голос Фу Линъи:

— ...Т-ты... можешь сплести мне бабочку?..

Сюй Инбай невольно обернулся на этот голос и с полным недоумением во взгляде уставился на Фу Линъи. Его чистый и мягкий голос прозвучал вновь:

— Тебе же уже за двадцать, как ты можешь уподобляться Се Цзинвэю и выпрашивать у меня бабочку?

Фу Линъи опустил глаза, низко прикрыв веки, пряча взгляд Сюй Инбая и скрывая на дне зрачков терзающую его боль и безумие.

— Я... — Фу Линъи судорожно глубоко вздохнул и торопливо вымолвил: — Я умоляю тебя!

Его пальцы, зажавшие травинки, непроизвольно дрожали, грудная клетка тяжело вздымалась, и он повторил:

— Я умоляю тебя...

Не просил, а именно умолял.

Какая-то бабочка — и вдруг заставила этого человека произнести слово умоляю.

Ни в прошлой жизни, ни в этой Сюй Инбай никогда не слышал от Фу Линъи подобных слов,

поэтому на мгновение даже опешил, заподозрив, что стоящий перед ним Фу Линъи как-то повредился рассудком.

Сплести бабочку не составляло особого труда.

Однако Сюй Инбай всё же не понимал причин и холодно спросил:

— А если я откажусь?

Фу Линъи замер, а затем издал короткий смешок:

— ...Тогда ладно.

Он никогда не хотел силой отнимать что-либо у стоящего перед ним Сюй Инбая; раз уж мольба не принесет плодов, что ж, тогда пусть будет так.

Окружающий воздух от этого тоже сделался словно застывшим, атмосфера заметно похолодала. Фу Линъи сжал свои дрожащие пальцы и, пытаясь разрядить обстановку, изобразил на лице несколько натянутую, недобрую улыбку, хрипло произнес:

— Пойду тогда отберу у Се Цзинвэя.

— Тц, — не сдержался Сюй Инбай, позабавленный словами Фу Линъи настолько, что ему захотелось улыбнуться. Он неодобрительно покачал головой: — Взрослый мужчина, а отнимаешь игрушки у ребенка.

Сюй Инбай взял из рук Фу Линъи травинку и опустил голову, принимаясь плести для него травяную бабочку.

Теплый свет фонаря под галереей падал на его лицо, а угольно-черные, похожие на перья ворона ресницы отбрасывали на кожу легкую тень. Его подбородок утопал в белом мягком меховом воротнике, из-за чего весь его облик казался одновременно мягким и хрупким, до невероятного красивым.

На улице стоял холод, пальцы Сюй Инбая озябли и гнулись плохо, так что в конце концов у него получилась немного корявая травяная бабочка.

Сюй Инбай с легким брезгливым выражением взглянул на творение своих рук — ему еще никогда не доводилось плести столь безобразных вещей, — после чего аккуратно положил эту бабочку на ладонь Фу Линъи.

— Держи.

Произнеся это, Сюй Инбай шагом прошел мимо Фу Линъи.

Фу Линъи потупил взор, глядя на неказистую травяную бабочку, и попытался улыбнуться, но уголки рта так и не дрогнули. Его налитые кровью глаза пугающе покраснели, но из них не скатилась ни единая слеза.

А тем временем на полпути Сюй Инбая пронзило смутное предчувствие, будто он позабыл о чем-то важном. Мелькнувшие в памяти зеленые бабочки и чей-то силуэт заставили его невольно обернуться, но Фу Линъи уже не было на прежнем месте.

Сюй Инбай покачал головой, посчитав, что он просто слишком много думает, и продолжил свой путь к кабинету.

В ночь Малого года в резиденции Сюй царили тишина и благополучие: к полуночи огни погасли, и здесь не было и следа внешней суеты и шума.

В то же время дела в Варэньлоу шли вольно. Чжуан Цзы, которого сокурсники волоком притащили в бордель, с окостенелым видом сидел посреди изящных танцовщиц.

— Айя, господин, выпейте же немного вина~ — сладкий, источающий очарование голос девушки раздался прямо у его уха, до смерти напугав Чжуан Цзы и заставив покрыться мурашками. Вспыхнув до самых ушей, он вскочил на ноги и заметил, что притащивший его сокурсник уже напился до беспамяти и какая-то хихикающая женщина с туманным от похоти взглядом как раз увлакивала его в комнату для гостей.

Какое безобразие!

Вне себя от гнева, Чжуан Цзы уже собирался броситься вперед, чтобы вернуть своего беспутного сокурсника, как вдруг со второго этажа раздался оглушительный, пронзительный вопль!

Полураздетая девица в панике выскочила из комнаты высшего класса, на ходу вопя во всю мочь:

— Хозяйка! Беда! Господин Фан мертв!!!

Этот крик поверг всех в шок. Неизвестно откуда взявшиеся силы позволили Чжуан Цзы протиснуться сквозь толпу паникующих людей напрямик в комнату высшего класса. Перед его взором предстал покрытый морщинами старик, изо рта которого шла пена — он замертво завалился набок у постели. Это был не кто иной, как отец левого министра Фан Руи.

Слуга дрожащими руками протянул руку к его носу и, трясаясь всем телом, пролепетал:

— ...М-мертв!..

— Бам! —

За окном гроыхнул взрыв: фейерверки, отмечающие Малый год, взмыли прямо к небесам, озаряя ночной небосвод и искаженные ужасом лица людей.

<http://bllate.org/book/18659/1798857>